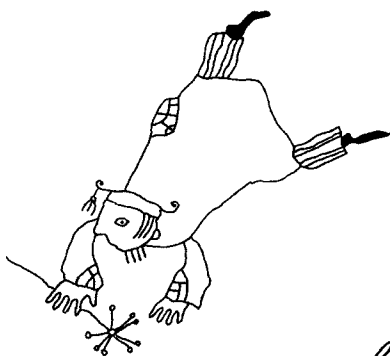
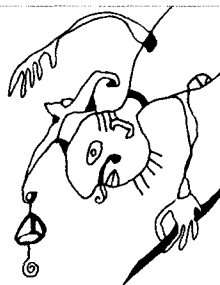

STUDIA
ETHNOLOGICA

Nomen est omen

от непослушных учеников

**Сборник статей к 60-летию
Николая Борисовича
Вахтина**

Вместо предисловия

Николай Борисович Вахтин очень не хотел юбилейных торжеств. Подозреваем, что именно поэтому уехал от нас на целый год. Не хотел он и сборника в свою честь. Но мы, его ученики, в этот раз не послушались. Поэтому и сборник решили назвать «От непослушных учеников».

Еще мы решили, что в сборнике не будет традиционного предисловия. Вместо него каждый из нас (к сожалению, не все оказались на связи) написал Николаю Борисовичу свои слова. Предполагалось, что жанры могут быть самые разные: воспоминания, сны, ассоциации, тосты и просто поздравления. Вот что получилось.

Наталья Бичурина

...Наверное, сначала были лекции Николая Борисовича по методам полевых исследований, когда я была на втором курсе СПбГУ и собиралась в первую экспедицию, к урумам... И была тетрадь, на обложке которой почему-то были изображены Альпы. Видимо, с тех пор идея полевых исследований столь тесным и причудливым образом сплелась в моем сознании с идеей Альп, что через студентов, приазовских албанцев (и, наконец, поворотный пункт, утиные истории, которые утиными, впрочем, стали только сейчас — тогда утки в истории еще не фигурировали), я пришла к Николаю Борисовичу с арпитанцами да окситанцами...

Ольга Бойцова

Готовясь к поступлению в Европейский университет, я прочитала «Ритуал в традиционной культуре» и была потрясена. Эта книга по-

казалась мне одновременно простой и гениальной, и я прониклась глубоким уважением к ее автору. Со дня открытых дверей я знала в лицо И.В. Утехина, Ю.Е. Березкина, Е.В. Головкин, С.А. Штыркова, а фотография Г.А. Левинтона висела на сайте. На собеседовании были все семь преподавателей, и все они меня «валили». Единственный человек, в ком, как мне казалось с места испытуемого, я видела доброжелательность, сочувствие и участие, был мне незнаком ни со дня открытых дверей, ни по фотографии. Он обладал очень располагающей внешностью — с сединой и в очках. И я решила, что это Байбурин!

Прошло много лет, и я по-прежнему чувствую доброжелательность, сочувствие и участие, не изменилась располагающая внешность, седина и очки. Теперь я знаю, что так выглядит не Байбурин. Так выглядит настоящий Дед Мороз! Спасибо, Николай Борисович, за то, что вы настоящий.

Оксана Буркина

Память на лица у меня неплохая, а вот с именами, отчествами и фамилиями... Беда! Нужна какая-то система, чтобы не сесть в калошу... Конечно, фамилия Вахтин — это далеко не Жирмунский, не Бодуэн де Куртенэ и не Пропп... Но есть Бахтин, а это уже риск! Тут помогает факт, что один из них жив, а другой... (простите, что в игре памяти участвует табуированная тема). Вахтин жив, не зря же он на букву В, vivo как-никак... С именем и отчеством все ответственнее, без имяотчества сложно в нашем социуме. Неловко назвать другим имяотчеством старшего уважаемого человека, которого, к тому же, давно знаешь и с которым общаешься не случайно... Как избежать Бориса Николаевича? Спасибо ему, конечно, что помог запомнить, что и тут дело в Борисе и Николае, но кто из них первый, а кто второй? Тут на помощь приходит Виктория Борисовна, тут уж не спутаешь — Борисов Викториевичей не бывает, значит, все-таки Борисович... Они, кто старше, все Борисовичи... Хорошо, хоть с ты-Вы есть определенность...

Татьяна Гаврилова

Про сон, говорите?

Укачиваю я как-то шестимесячную Катю, сама параллельно читаю «Языки народов Севера» и незаметно так засыпаю. И снится мне сон, будто «Языки народов Севера» — это парикмахерская и я туда иду стричься. Проснулась в смятении... Да, а прическа получилась очень даже ничего.

Наталья Галеткина

Помню, размышляя над вопросом, стоит ли пытаться поступить в Европейский университет, я впервые зашла на ЕУ-шный сайт. По-

смотрела программы обучения, перешла в раздел «преподаватели», стала рассматривать персональные странички. «Вах! Какой мужчина!» — вдруг пронеслось в голове при взгляде на одну из них. Это «вах!» было вызвано как фамилией, так и изображением на снимке. Так произошло мое заочное знакомство с Николаем Борисовичем Вахтиным. Чуть позже я прочла книгу о русских старожилах в Сибири, среди авторов которой значился все тот же Николай Борисович. Эта книга во многом и решила мои сомнения насчет того, поступать в ЕУ или нет, а если поступать, то на какой факультет и под чье научное руководство. Сейчас я очень рада, что в нужный момент мне попала на глаза и та персональная страничка, и эта книга. Дорогой Николай Борисович, поздравляю Вас с юбилеем и благодарю за все мудрые советы, которые Вы мне дали и на которые я, честно сказать, еще сильно рассчитываю!

Наталья Евсеенко

Гост-благодарность

Можно легко себе представить просто хорошего человека. Вполне вероятно, что он, оставаясь хорошим человеком, одновременно будет являться блестящим ученым. Будет неожиданно приятно, если этот хороший человек и блестящий ученый окажется одновременно великолепным педагогом, на лекции которого бежишь, не обращая внимания ни на собственное состояние, ни на текущие проблемы. Напрягая фантазию, можно даже представить, что ко всем этим качествам у него обнаружится еще и административный талант. Но вот представить себе отличного ученого, одновременно являющегося хорошим администратором, великолепным педагогом и при этом в любой ситуации остающегося приятным, симпатичным, остроумным, галантным, внимательным и добрым человеком, лично я не могла до своего поступления в ЕУ. Да и сейчас меня посещают подозрения, что Николай Борисович — такой ангел-авантюрист, решивший вдруг покинуть чинную райскую обитель и спуститься к нам, грешным, ибо продуктивно работать за десятерых, всегда имея при себе улыбку, шутку или мудрый совет для случайных встречных, может только ангел. Спасибо Вам, Николай Борисович, и за ваше профессиональное мастерство, и за ваше отеческое тепло.

Екатерина Мельникова

Я думаю, что мне очень повезло в жизни, потому что я знаю много хороших, умных и красивых людей. Николай Борисович — это безусловно человек, который поддерживает во мне неистребимую веру в собственную везучесть. Незадолго до юбилея Николая Борисовича возникла идея передать ему какой-нибудь подарок, туда, далеко, где он находился в тот момент — за тридевять земель, за тридевять морей. И я предложила поставить большую коробку, чтобы каждый мог бро-

свить туда свою записочку. Что-то не сложилось с коробкой. Но вот моя записочка: «Дорогой Николай, в этом году я вела себя почти совсем хорошо. Я почти не ругалась и почти ни с кем не ссорилась. Я слушалась маму и, кажется, начала растить сына. Мне было очень холодно зимой, но я все-таки ходила гулять и за весь год разбила только три чашки. Мне кажется, это не такое уж серьезное преступление. Пожалуйста, подари мне маленького белого щенка, с розовым носом и веселыми глазами. С ним я стану еще умнее и добрее, и тогда уж точно перестану бить посуду, а сделаю что-нибудь хорошее. Если у тебя сейчас нет подходящего щенка, ты просто подумай о нем, и он обязательно появится. А если он понравится тебе самому, то пусть живет у тебя. В конце концов, тремя чашками больше, тремя меньше...»

Светлана Сиротинина

Из игры в ассоциации

Если бы Николай Борисович был путеводителем, то это был бы гид многоязычный и стильный. Планетарного масштаба. В карман он ни за что бы не помещался и на одну книжную полку — тоже. Но в обращении был бы легок. Его невозможно было бы потерять. С ним невозможно было бы заблудиться. Даже в экстремальных маршрутах. На Гагаринской, 3 или на Крайнем Севере, а также в других точках земного шара. И вообще он был бы в единственном экземпляре.

Капитолина Федорова

А вот если бы Николай Борисович был ребенком... Ну, то есть он, конечно, был, но вот как-то не довелось... Так вот, если бы он был ребенком, то он бы залезал на все заборы и во все канавы, дрессировал бы бродячих собак и таскал для них хлеб с кухни, организовывал бы набеги на соседские сады и сбор макулатуры, все время бы ходил с разбитыми коленками, но никогда не плакал бы, когда мама мазала их йодом, читал бы романы про индейцев и ковбоев с фонариком под одеялом, а потом разыгрывал бы их с друзьями во дворе, и сам, конечно, был бы отважным индейским вождем по имени Соколиный Глаз или Ястребиный Коготь. И в Тимура и его команду он бы тоже играл, только не переводил бы старушек через улицу, а спроектировал бы подземный переход и, пожалуй, даже добился бы его строительства...

Николай Борисович, мы Вас любим!

Два интервью одного информанта

*Публикация Натальи Галеткиной, Александры Пиир
и Светланы Сиротининой*

В жизни почти всякого начинающего исследователя, как правило, есть люди, сыгравшие важную роль в его профессиональном становлении, которых он потом называет своими учителями. В работе многих полевиков встречаются так называемые информанты-эксперты, знания которых о предмете исследования оказываются значительно глубже, чем знания самих собирателей. Но ситуация, когда учитель и информант соединяются в одном лице, несомненно, является очень редкой, почти уникальной.

Нам в этом отношении повезло. Публикуемые интервью с Николаем Борисовичем в обоих случаях были записаны в самом начале исследований и людьми малоопытными, начинающими — и в конкретных темах, и в полевой работе, и в антропологии вообще. Тем более ценными оказались истории нашего информанта, ответившего на незаданные вопросы, рассказавшего о том, о чем не спросили, и вполне компенсировавшего недостаток знаний и опыта собирателей. Однако не по этой причине мы посмели нарушить главное правило полевой этики и опубликовать интервью, не имея возможности получить согласие информанта (сам сборник делался вопреки его желанию и втайне).

Помимо «практической» ценности этих материалов для наших исследований, это — рассказы Николая Борисовича о нем самом. О том маленьком Вахтине, который оказался ведом нам, но неизвестен многим его ученикам, близким коллегам и друзьям. И мы решили поделиться своим сокровенным знанием с теми, кто, как и мы, его любит.

Надеемся, Николай Борисович нас за это простит...

Интервью о Марсовом поле

Запись 15 апреля 2006 года

Собиратели — Наталья Галеткина (НГ) и Светлана Сиротинина (СС)

НГ: Вы говорили, что жили на Марсовом поле.

Николай Борисович: Я жил там... до девяти лет точно.

НГ: Ну вот расскажите все, что помните о Марсовом поле: что Вы там делали, зачем туда ходили, как оно выглядело.

Николай Борисович: Выглядело оно точно так же, как сейчас, только деревья были пониже [улыбается], поскольку с тех пор все-таки прошло почти полвека. Там были деревья после войны, насколько я понимаю, или до войны высажены. Ну конфигурацию его вы помните. Там как бы четыре угла такие, четыре круга, от которых расходятся дорожки и приходят к центру, где вот этот вот памятник, могильник тот самый. Ну, впечатления у меня будут исключительно детские, как Вы понимаете, такие жизнерадостные. Значит, гулял я там каждый день, вернее, меня гуляли. Зимой и летом. Зимой любимым занятием было разгрести снег на скамейках при помощи детской лопаточки. И вот хлебом не корми — дай очистить скамейку. Как раз полскамейки хватало на всю прогулку, поскольку этот грейдер из меня был не очень сильный, крепкий. Вот эти круги, четыре круга по углам были засажены, да они и сейчас засажены, кустами сирени. У сирени такие плотные, немножко узловатые стволы и лазить между ними, там внутри, было очень интересно. Ребенком, я помню, меня поражало, что везде трава есть, а под кустами нету. Она там не растет, потому что темно. Я тогда этого не понимал, но было очень интересно. Кроме того, там росли еще кустарники, если я правильно помню, барбариса. Кисленькие такие ягодки красные, очень вкусные, которые я, естественно, вопреки распоряжениям, собирал и ел. Катался я на велосипеде там трехколесном, по этому Марсову полю, в полное свое удовольствие. И таких, как я, было очень много. В будние, обычные не праздничные дни это место детских прогулок, ну как любой парк. Зелень. Благо, жили мы ровно через дорогу от Марсова поля, вот в этом длинном желтом доме, где сейчас Ленэнерго. <...>

[Я жил] в том доме, который на углу Мойки. <...> Он трехэтажный в этой части, по-моему, и мы были на третьем этаже, прямо окнами на это самое Марсово поле. А соседний, по-моему, такого же роста, но там четыре этажа. А может быть, тоже три, я уже не помню. И левое крыло, дальше, это Ленэнерго. Оно и сейчас там. Значит, пока я был такой маленький, собственно использовать Марсово поле можно было двумя путями. На нем можно было гулять каждый день. А в праздник, особенно в майские праздники, когда была весна и

Поле жертв революции. Общий вид с крыши Инженерного замка. 1950 г.
Фототека отдела охраны памятников, № 34708

Прогулки на Марсовом поле. 1957–1958 гг.
Фотографии из семейного архива

тепло — мне было лет семь или восемь, а сестренка моя двоюродная, с которой мы жили вместе в одной квартире тогда (там вообще человек пятнадцать жило), на четыре года меня младше, соответственно, ей было четыре или три — и нас отпускали в майский праздник гулять на это самое Марсово поле, выдавая нам какие-то небольшие копейки на то, чтобы мы резвились. И мы резвились вовсю. Там продавали шарики какие-то, раскидайчики, леденцы эти, петушки на палочке в майские праздники. Там стояли машины просто, и с машин была торговля. Пирожки какие-то там, мороженое. Ну что там детям положено.

НГ: На 1-е мая или на 9-е?

Николай Борисович: На 9-е, по-моему. Народу было! Были натуральные гуляния. Высыпал народ туда, и все радовались жизни. На праздники, вокруг могил ставили такие шести высоченные, метров, наверное, под пятнадцать, с большими алыми флагами огромными, ярко-алыми такими. Не красный флаг, советский — были немножко более яркого, странного такого, необычного цвета. Очень тонкое полотно и огромное. Вились четыре флага по углам, музыка играла, естественно, с репродукторов, с этого самого желтого здания со всех сторон. И, в общем, атмосфера была совершенно праздничная. И моя задача была, значит, сестренку не потерять, потому что мне ее поручали и была большая ответственность. Вот это детские, наверное, такие у меня воспоминания про Марсово поле. Там дети друг с другом играли, знакомились, естественно. Все мои приятели и приятельницы пятилетние были оттуда. Песочницы там были точно, вот на этих вот кругах угловых, там по центру были песочницы. В общем, было такое детское развлечение. Несколько позже — я уже там не жил, мы переехали — но несколько позже мы уже использовали это место по-другому. Вот я помню выпускной вечер восьмого класса, когда мы пешком с Черной речки, ночью естественно, после выпускного вечера, слегка напившись портвейна, отправились гулять. Гуляли мы, естественно, в сторону центра, как и все и всегда. Гуляли до Марсова поля. И вот в выпускной вечер там тоже была уйма народа. Белая ночь, хорошо, замечательно. Там было не очень тепло, я помню, и греться мы пошли в ту парадную, в которой я жил маленький. И я много лет там не бывал, а тут вот как-то очень хорошо [было].

НГ: А к огню греться не шли?

Николай Борисович: Нет, к огню — как-то он, я не знаю, я его никогда не воспринимал как огонь, потому что, ну известно, что он газовый, не настоящий как бы, да? И вообще это часть памятника. Шашлыки мы не жарили там, на этом огне. Говорят, сейчас жарят. Но я не знаю, мы не жарили [смеется]. Мы там просто что-то стояли, портвейн пили, гитара у нас с собой была. Таких, как мы, было несколько тысяч, наверное, ребят, школьников.

Дом Адамини (1823–1827).
 Марсово поле, 7; наб. р. Мойки, 1; Аптекарский пер., 8.
 Архитектор — Доменико Адамини. Фото 1950 г.
Фототека отдела охраны памятников, № 31780/1

Парадная Николая Борисовича, выходящая на Марсово поле, снаружи и изнутри
Фото публикаторов, май 2010 г.

СС: А школьные экскурсии были какие-то к этому вечному огню, что-то Вам рассказывали про историю?

Николай Борисович: Ну, вы знаете, да. Когда я учился в школе, либо их еще не было, либо я не помню, одно из двух. Но когда я уже был постарше, студентом и потом, я все время там видел: школьников приводили, все они в белых рубашках, в красных галстуках, парад такой, праздник. Че-то им, видимо, там рассказывали. Вот! Я еще вспомнил одну интересную вещь — это вам будет важно. Там ведь на этих гранитных могилах надписи. Поскольку лет мне было весьма немного, там, скажем, пять. Читать я уже умел, буквы складывать я уже умел. В общем, даже какие-то детские книжки читал. Но я помню это мучительное ощущение, что я вроде как все слова отдельно понимаю, а вместе они у меня никак не складываются. Ну там такой очень возвышенно-поэтический синтаксис, да?

СС: Луначарский...

Николай Борисович: Луначарский, по-моему, да, писал эти тексты. Я помню мучительное ощущение: много дней подряд я стоял у этих могил и пытался расшифровать, что же там написано. Как-то вот я понимал, что что-то здесь важное написано. Но что — понять не мог [смеется], потому что тут не детский стиль, да?

НГ: Ну и вообще, слово «пролетарии» — Вы его в пять лет знали уже?

Николай Борисович: Ну, слово «пролетарии» было везде — и по радио, и у всех на слуху. Но вот: «Не жертвы, герои... та-та-та... лежат под этими плитами, не горе, а зависть рождает в сердцах наших что-то...» Там сплошные инверсии, да? И сплошная поэтизация всего этого дела. Поэтому прочитать это маленькому ребенку было совершенно невозможно. Я помню, как я злился и как-то очень огорчался, что я никак не могу... До сих помню: стою, и у меня вот, кулаки сжимаю от невозможности решить эту задачу проклятую [смеется].

НГ: А вот это место, оно никак не охранялось?

Николай Борисович: Да нет, был там какой-то милиционер.

НГ: Но вот вы ночью пришли в выпускной вечер — вы к огню подошли? Где вы на гитаре играли?

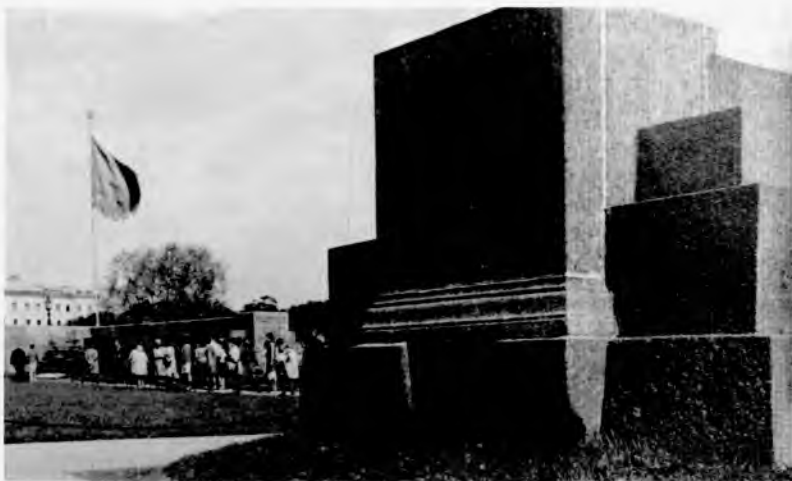
Николай Борисович: Я помню, что там сидели какие-то ребята прямо на ступеньках, так сказать, ногами к этому огню — там такие ступенечки невысокие. Там сидело — кто-то играл на гитаре — несколько человек, кажется. Что-то там еще толпа стояла вокруг.

НГ: То есть вокруг огня — это нормально было тогда?

Николай Борисович: Да, никто не гонял.

СС: А цветов много лежало?

Николай Борисович: Цветы росли. Летом, естественно. А класть... да, кидали, но, по-моему, такие букетики вполне казенные. Так, чтобы человек по велению сердца туда принес цветок, я такого не знаю.

✓ Памятник жертвам революции. 28/VII 1959 г.
 Фотоотека отдела охраны памятников, № 44928/2

Из комментариев к статье «Марсово поле», автор — Александр Викторович, сайт «Прогулки по Петербургу» <http://walkspb.ru/ulpl/marsovo_pole.html>:

#3 Лисицин 2007-07-22 21:55:39

Сейчас это — довольно веселое место. Днем на соседних скамейках собирается молодежь, молодожены возлагают цветы. Ночью — та же молодежь постарше, попьаннее, поют песни. Ночью здесь может быть опасно. Место оккультное — души революционеров любят вселяться в неадекватные головы ночных людей. Рассказывают про одну мудрую ворону, которая на старости лет совсем потеряла страх и ворует прямо из-под рук сигареты и закуску, съедая их тут же, спокойно глядя в глаза. Часа в 3—4 ночи все собрание (кто-то спит уже) милиция более-менее вежливо разгоняет. Я лично встречал там дьявола

#13 Маша 2010-01-18 15:50:31

где находится Марсово поле скажите мне плиз??

А вот этот ритуал со свадьбами — сейчас туда возят — он позже появился, его тогда не было. То есть когда появились Дворцы бракосочетания, это ж тоже было не в 50-е годы, а позже где-то, я думаю. Ну в конце 60-х они уже были. Может быть, в начале где-то 60-х появились дворцы, не знаю. Тогда постепенно они выработали какой-то свой ритуал. А так, раньше ни туда, ни на Стрелку Васильевского свадьбы не ездили. Это сейчас все в обязательном порядке там отмечают.

НГ: А вот смотрите, вечный огонь появился в 57-м году, то есть Вы должны были помнить, как его устанавливали. И что было до этого.

Николай Борисович: Я не помню. То есть я помню, что его устанавливали, но это скорее такое знание, знаете вот, кто-то сказал: «Вот, установили». Или по радио я услышал — радио же работало все время, да? Везде у всех. Поэтому я очень много знаю такого.

НГ: А так из окон не было видно, что там работы какие-то строительные?

Николай Борисович: Ну было видно, конечно, но я не помню просто. Маленького меня это совершенно не интересовало. В 57-м году мне было семь лет, поэтому, в общем, вряд ли.

НГ: Интересно, что было до этого на этом месте?

Николай Борисович: До этого ну точно были эти могилы, они, в общем-то, никуда не деваются. Что было? Ну клумба, наверное. Я помню, я читал в каком-то детском журнале, то ли в «Костре», то ли где-то еще, что на меня произвело впечатление — идея, что огонь вечный, потому что газ к нему подведен и там крана нет, чтобы перекрыть. Вот так мне во всяком случае запомнилось, ребенку, что он там всегда будет гореть, потому что газ всегда идет. Ну на кухне тоже газ, да? Но его можно выключить. А этот выключить нельзя, потому что он вечный. Вот эта мысль меня поразила: такая метафора вечности, как газ, который из крана.

НГ: А в памяти у Вас не осталось, почему вечный огонь в этом месте? То есть, скажем, в Иркутске, в Перми это обязательно, конечно, символ памяти жертв Великой Отечественной войны. Но Марсово поле как бы было символом другим. Вот как это вообще объяснялось?

Николай Борисович: Да никак. Вечный огонь, он — символ памяти и символ памяти. А чего памяти...

НГ: То есть об этом не говорилось?

Николай Борисович: Я даже не помню, не знал тогда, кто там похоронен. Маленький не знал тогда. Потом я помню это ощущение: много лет я туда не ходил, и у меня вот эти загадочные надписи — ну клинопись абсолютная, египетские пирамиды — остались таким вот ужасом детским. И я помню, как мне было лет уже пятнадцать, четырнадцать, наверное, я туда случайно забрел, прочитал, думаю:

что я тут не понимал? — все понятно [*смеется*]. Вот это ощущение неожиданное, да? Так все ж понятно! Как-то странно было.

НГ: А когда Вы узнали, кто там похоронен, что и как?

Николай Борисович: Может быть, тогда же. Может быть, кто-то из взрослых рассказал, может быть, отец, что «тут лежат жертвы Гражданской войны» — вот эту я помню фразу. Ну а поскольку у нас с политикой дома вообще было довольно сложно — как бы она жила отдельно, а мы отдельно — то, в общем, так особенно меня в этом направлении не воспитывали.

СС: А как Вы вообще относились к Марсову полю? То есть Вы знали, что это какое-то значимое место, скажем, для Петербурга, или просто был двор для игр?

Николай Борисович: Ну для меня это было очень значимое место. Называлось это «пойти на Марсовку».

НГ: Да Вы что?

Николай Борисович: Да, чтоб вы знали. Мы этот жаргон понимали, все дети из нашего двора, естественно — «Пошли на Марсовку!» Там же была раньше трамвайная линия вдоль этого желтого дома, целиком. Через мостик мимо Спаса выходила на Конюшенную площадь, да? А другим концом на мост Троицкий.

НГ: А, ну тогда не Троицкий — Кировский.

Николай Борисович: Тогда он назывался Кировский, да. Мимо вот этого памятника Суворову, который я тоже очень любил в детстве.

НГ: Почему?

Николай Борисович: А это было — я очень отчетливо помню этот момент — это было мое первое в жизни столкновение с условностью искусства. Что памятник Суворову может быть не похож на Суворова. Что можно поставить бога Марса, в полном греческом одеянии, и это будет памятник Суворову. Я помню, меня эта мысль совершенно поразила в нежном детском возрасте. Что вот памятник, он должен быть похож — а этот не похож! Я спросил: «Это Суворов?» Мне сказали: «Нет, это бог Марс». — «А почему Суворову?» — «Потому». Это как-то тоже для меня была новая идея. Вот с моста он сходил, трамвай, поворачивал направо и сразу налево, вдоль Марсова поля, уходил через мостик мимо Спаса — и на Конюшенной было кольцо [*показывает на карте*]. Ну или туда по Садовой, там и сейчас он ходит.

НГ: А остановки транспорта тоже там были?

Николай Борисович: А остановка была прямо под нашим... нет, не прямо под нашим, с другой стороны. А у нас был светофор. Поэтому вот этот звук трамвая тормозящего — это мой первый детский звук [*воспроизводит звук трамвая*]. Вот так, да? Это было утром, днем, вечером и ночью.

